

* 7 ИЮЛ 1987

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

Вместо отчета о командировке в США

«Вам нравится Америка?» — переводят мне вопрос. Я отвечаю: «Очень». «Вы бы хотели остаться в ней жить?». «Кто задал этот вопрос?» — спрашиваю я. В одном из рядов поднимается современное, лет пятнадцати, загадочное чудо, именуемое в просторечии подростком. «Ну, а ты бы хотел жить в России?». Пауза. «Не знаю, я не сравнивал». «А если бы ты сравнил и Россия тебе понравилась? И очень?». Еще одна пауза. Он размышляет: «Нет». «А почему?». Шестьсот пятьдесят человек, сидящих в зале, замерли. Очень серьезный вопрос. Они понимают: с одной стороны, надо сказать правду — американцы народ прямой, а с другой — не обидеть гостя из России. «Потому что я родился в Америке», — наконец говорит юный американец. «Ты сам ответил на свой вопрос», — говорю я. Зал устраивает овацию.

Во время бесед со зрителями, которые проходили после каждого спектакля (устроители называли их дискуссиями), задавались самые неожиданные вопросы. Практичные американцы интересовались и тем, сколько мне платят за пьесы, спрашивали у моей жены, где она купила свое платье. Но вопрос о том, хочу ли я остаться жить в Америке, задавали неизменно всякий раз.

Два с половиной года назад мы возили в США спектакль Вахтанговского театра по моей пьесе «Колокола». Играли на родине Юджина О'Нила. Аудитория была трудной. Большинство зрителей — актеры, режиссеры, драматурги, продюсеры. Но всегда в первой же картине после блистательной игровой паузы актрисы зал сдавался. Юлия Борисова и Юрий Волынцев побеждали в общем-то легко, потому что талант побеждает неизбежно.

Труднее было побеждать в спорах, которые шли после спектаклей. К русским относились более чем с недоверием. Наряду с ним сквозила агрессивность. Сегодня же, хотя пропагандистская машина работает вроде бы на тех же оборотах, создавая в нашем лице все тот же «образ врага», ситуация круто изменилась. В спорах и с друзьями, и с врагами мы неуязвимы, ибо мы не уходим от ответов на еще вчера «каверзные» вопросы. Мы говорим правду. Потому что мы ее знаем. И чувство настороженного недоверия к нашей стране сменилось у американцев любопытством к происходящим у нас переменам, желанием понять нас. Размышляя вместе с нами, они учатся понимать, как жизненно важно для нас то, что происходит, как это неизбежно отзовется на них самих.

Мы часто мыслим стереотипами, порой преувеличивая чужие недостатки и преуменьшая свои. Например, мы считаем, что наш театр для детей — лучший в мире. Гордимся новыми зданиями, количеством театров, труппами по 40—50 человек. Американский режиссер театра для детей в городе Луисвилле Мозес Голдберг, приезжая в Москву на конференции АССИТЕЖ, скромно помалкивал, ошарашенный нашей самоуверенностью в превосходстве. А, оказывается, театры для детей есть и в Америке. Залу и оснащению сцены, на которой М. Голдберг поставил мою пьесу «Эй, ты, здравствуй!», позавидует любой режиссер нашего детского театра. Порадуются и высокому профессионализму актеров, от которого мы не без помощи «режиссерского театра» понемногу отвыкли. Огорчится он только, когда узнает, что американское правительство выделяет театру всего 6 процентов дотации. Остальные деньги на постановку спектакля дают благотворители. Если таковые находятся... Именно из таких людей состоит правление театра. Его президент Джеймс Вальтерс отдает театру немалую часть своей жизни, хотя ему хватает и своих ежедневных забот — он вице-президент знаменитой медицинской организации «Хьюман». Работает в правлении и Кэтрин Смит — истинная дочь среднего Запада, с обветренным лицом, натруженными руками, в ковбойских сапогах. Она фермерша. Выращивает лошадей для скачек — это ее бизнес.

Конечно, советские актеры и режиссеры театров для детей живут легче, хотя, как и американские, зарабатывают гораздо меньше своих коллег во взрослых театрах. Но — увы! — легкость жизни, гарантированная государственной дотацией, случается, размягчает, позволяет работать над спектаклем месяцами, а то и годами, порой так и не доведя его до премьеры. Голдберг ставит любой спектакль за три недели. И на девять месяцев заключает контракт только с тем актером, в котором уверен.

«Эй, ты, здравствуй!» — это история отношений двух современных подростков — Маши и Валерки. Сперва меня приятно удивило, что реакция американских зрителей на реплики и ситуации в пьесе не отличается от реакции зрителей в наших театрах. Потом понял, что подростки — везде подростки. Они не только узнавали себя в русских сверстниках, они понимали главное — русские, советские люди в помыслах, в поступках ничем не отличаются от них. И понимали, что это ложь, когда их призывают бояться русских. Нет, с ними надо и можно дружить...

Не ожидавшие такого успеха советской пьесы, руководство театра и правление предложили мне написать пьесу специально для театра в Луисвилле (этот театр называется «Стейдж уан»). Решение надо было принять быстро — в Америке следующий сезон расписан по неделям. У меня был замысел, с которым я ношусь уже несколько месяцев. Пьеса «В двух шагах от конца света» должна (по замыслу) еще раз напомнить об опасности конфронтации, о необходимости во имя спасения планеты преодолеть недоверие между народами. Я считал, что это очень «наша» пьеса. Из тех, которые на Западе называют «советской пропагандой». И все же я предложил написать для театра именно эту пьесу.

Да, часть американцев зависит от пропаганды идей, оплачиваемых Пентагоном. Это действительно так. Мне довелось разговаривать с профессиональными антисоветчиками, читать реакционнейшее «Новое русское слово». И те, и другие все еще дуют в старую дуду антикоммунизма, продолжают отыскивать на нашем челе темные пятна, но, право, в этих безнадежных потугах выглядят сегодня жалкими провинциалами. И представьте, театр заключил со мной соглашение именно на такую пьесу. И не только потому, что хочет продолжить культурные контакты с нашей страной. Но и потому, что хочет демонстративно заявить о своей позиции — позиции, разделяемой большинством честных американцев.

Сегодняшняя Америка переосмысливает свое отношение к Советскому Союзу, пытается осознать свое истинное положение в судьбе человечества и свою ответственность за нее.

«Вам нравится Америка?» «Очень». «Вы бы хотели остаться в ней жить?». «Кто задал этот вопрос?».

«Я смотрю в глаза подростка, который хочет быть честным, который еще вчера безразлично относился к тому, что происходит в мире, отделенном от него океанами, но который сегодня искренне хочет понять гостя из Советского Союза.

Геннадий МАМЛИН.

● Сцена из спектакля «Эй, ты, здравствуй!» в постановке театра «Стейдж уан» в Луисвилле.